

Русская интеллигенция

Нация, которая не ценит интеллигентности, обречена на гибель.

История русской интеллигенции есть история русской мысли. Но не всякой мысли. Интеллигенция есть еще и категория нравственная. Вряд ли кто включит в историю русской интеллигенции Победоносцева, Константина Леонтьева. Но в историю русской мысли хотя бы Леонтьева включать надо.

Русской интеллигенции свойственны и определенные убеждения. И прежде всего: она никогда не была националистической и не имела ощущения своего превосходства над «простым народом», над «населением» (в его современном оттенке значения).

Слово «интеллигенция» в других языках определяется как «заимствованное из русского». Я бы определил понятие «интеллигенция» как интеллектуально независимую часть общества. Это не просто образованные люди или люди, работающие в умственной сфере, в сфере интеллектуального труда. Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, вероисповедных, коммерческих, даже просто карьерных.

Если, однако, по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, действий, не согласных с его мнением, то эта «добровольная продажа себя в рабство» лишает его возможности причислять себя к интеллигентам. Так же как перестает быть врачом человек, лечащий вопреки полученным им медицинским знаниям.

В равной степени интеллигент теряет интеллектуальную свободу и перестает быть интеллигентом, когда принужден следовать слепо догмам какого-либо учения. Даже если, создав свое мировоззрение или взгляды, интеллигент отказывается от их пересмотра из упрямства.

Вместе с тем человек, не уважающий интеллектуальную свободу других, преследующий других за убеждения, не может считаться интеллигентом, ибо интеллектуальная свобода предполагает уважение к этой свободе, где бы и в чем бы она ни проявлялась.

Здесь вступает в силу моральный фактор. Интеллектуальная свобода в известной мере всегда явление морального порядка. А мораль — единственная власть, сила, которая не только не лишает человека свободы, но гарантирует эту свободу. Человек, подчиняющийся совести, не подчиняется ничему больше, и подчиняться совести он может только абсолютно свободно. В этом единственное в своем роде свойство совести.

Конечно же, интеллигенция, интеллигентные люди, а не просто люди умственного труда (без них в известной пропорции не может существовать ни одна страна) есть повсюду. Но для России интеллигенция особенно характерна. Это произошло не потому, что Россия особенная страна, а русские какой-то особенный народ, а в силу стечения исторических обстоятельств.

В России благодаря слабости (или, как теперь принято говорить, «прозрачности») границ между сословиями и относительной легкости перехода из одного общественного состояния в другое создались особые условия для образования лиц, по существу не примыкающих ни к одной группе общества, а потому свободных от социальной идеологии. В необразованных слоях общества это приводило к образованию групп бродячих людей: «босяков», казаков, различного типа «беглых», удалившихся на окраины государства и т.д. Когда же эти избежавшие сословных ограничений люди были еще свободны благодаря хорошему образованию, знанию иностранных языков, высокому воспитанию — из них образовывались интеллигенты.

Интеллигенты при всех режимах оказывались своего рода «внутренней эмиграцией».

Первое массовое выступление интеллигентов было декабристское восстание. Среди декабристов преобладали люди, свободно шедшие против своих сословных интересов.

Характерно, однако, что именно интеллектуальная свобода воспрепятствовала декабристам одержать победу: они не смогли объединиться в единую и сплоченную партию, иметь единую программу. Интеллигентские движения редко одерживали верх, и жалеть об этом не приходится. В этом организационная слабость, но духовная, нравственная сила интеллигенции — людей интеллектуальной свободы, предназначенность которых творить, а не подминать под себя остальных...

Однако интеллигенция была постоянной мишенью для нападок государства. И первое, что делало государство, укрепляя свою власть, это стремилось уничтожить интеллигенцию и все, что способствовало ее образованию.

С самого момента своего прихода к власти большевики арестовывали, ссылали и высылали из страны интеллигентов, закрывали кружки, общества, даже места встреч интеллигенции, казалось бы, совсем невинные (рестораны, кафе, ученые общества), правительство большевиков не допускало вольнослушателей в университеты, закрывало газеты и журналы, в которых обсуждались общемировоззренческие вопросы, стремилось дискредитировать интеллигенцию в глазах народа, лживо объединяло интеллигенцию с буржуазией и дворянством, стремилось дискредитировать ее нравственно, устраивая ложные судебные процессы, уничтожало изучение иностранных языков и препятствовало поездкам ученых, писателей и художников за границу (или, напротив, высылаало, но навсегда).

«Тайная свобода» интеллигенции больше всего тревожила всегда государство, особенно государство тиранического и идеологизированного типа.

Два основных качества определяют интеллигентность интеллигента: европейская (именно европейская) образованность и интеллектуальная свобода.

Почему, спросите вы, «европейская» и разве не всякая образованность может определить принадлежность человека к интеллигенции? Конечно, всякая... Но у европейской культуры есть одна особая черта: она опирается на знание других культур —

одновременных ей и ранее существовавших. Она основана прежде всего на прочном усвоении древних культур Ближнего Востока, Египта и средиземноморской Античности.

Именно эти три культуры легли в основу христианства. Христианство объявило религию вненациональной, наднациональной. «Несть эллина и иудея»\fn{Апостол Павел. Послание к Римлянам. 2, 10—11.}. Отсюда — терпимость европейской культуры к другим культурам и способность к их творческому усвоению. Университеты Европы — это прежде всего огромнейшие хранители и «усвоители» других культур, где эти культуры переосмысливались как «свои», нужные, целебные и питающие.

Итак, первая черта интеллигента — европейская образованность. Переходим ко второй черте — интеллектуальной свободе. Именно она отличает интеллигента просто от «образованца» (удачный термин А.И. Солженицына). Образованный человек может продавать свои знания, работать на злодейское государство, партию, узко понятую национальность. Одним словом, «образованец» может быть несвободным, зафрахтованным человеком. Когда приписывают интеллигенции убийство Александра Второго — «царя Освободителя» или относят к интеллигентам различных людей, может быть, и умственно одаренных, но дисциплинированно выполняющих приказы какой-либо партии, более или менее властной и тираничной, это глубочайшая ошибка. Рабство всегда было чуждо интеллигенции, и если даже человек, прежде свободный, решается продать свою свободу какой-либо организации, стать ее интеллектуальным рабом (это не касается тех образованных людей, которые, работая за плату, не лишают себя свободы выбора), он перестает быть интеллигентом.

Казалось бы, Достоевский со всей ясностью показал в «Бесах», во что превращается человек, продавший свою интеллектуальную свободу и действующий по указаниям из «центра», который к тому же оказывается мнимым. Единственный персонаж «Бесов», который, казалось бы, не утрачивает своей независимости, Ставрогин (фамилия его сама

как бы указывает на его независимость: вспомним о ставропигиальных, т.е. независимых от местных иерархов, монастырях) и тот оказывается в плену у Верховенского и его заговора и с утратой независимости после совершенного преступления (или нескольких преступлений) кончает жизнь самоубийством.

Что же удерживает интеллигенцию в пределах интеллектуальной личной свободы? Ведь если интеллигент не подчиняется внешним воздействиям, то не означает ли это, что он оказывается без руля и ветрил? И что может объединить людей, не зависимых от внешних причин, не подчиняющихся навязанным им условиям? Не означает ли интеллектуальная свобода обреченности интеллигентов на полное одиночество?

Неподчиненность интеллигента внешним воздействиям, партийным установкам, государственным интересам или агрессивной идеологии вовсе не означает слабости, а, напротив, свидетельствует о силе интеллигента, его способности сопротивляться, отстаивать свою честь, порядочность, завоевывать репутацию и быть, самое главное, *личностью*. Сила эта в нем самом — *совесть*. Совесть может объединить его с другими людьми совести, ибо совесть по большей части выступает с одинаковыми внутренними требованиями к человеку и охраняет его свободу. Если человек подчиняется совести, то это означает, что в нем достаточно силы противостоять внешним требованиям, которые в той или иной степени могут его закрепить. Враг совести — чувство, объединяющее людей в стадо, — стадность. Интеллигенты, примыкающие к стаду, губят в себе интеллигентность, и их образование становится бесполезным — бесполезным прежде всего для них самих как личностей. Обратим внимание, что европейская культура — личностная культура.

Что в русской интеллигенции национально русское? Думаю, что это тяга к интеллектуальной свободе и независимости, прежде всего, от государства. Еще до появления интеллигенции, как некоей более или менее спаянной своим стремлением к интеллектуальной свободе группы народа, стремление к независимости от государства заставляло людей уходить в казачество навстречу исконно враждебным земледельческим народам — степнякам, а с XVI века — в Сибирь открывать и осваивать все новые и новые места. Уходить на север к Студеному морю, жить по своей воле в суровых условиях русского Севера. А затем старообрядчество! Снова уход в леса, стремление не поступиться совестью, вплоть до самосожжения. Самосожжения, но не вооруженного бунта. Не напоминают ли эти самосожжения, казалось бы, бессмысленного стояния декабристов на Сенатской площади? Люди не подчинялись, но не шли штурмом брать Зимний дворец, кстати сказать, самый незащищенный дворец монархов в Европе. Декабристское стояние на площади впервые обнаружило у нас наличие сильной группы интеллигенции. Сильной не грубой силой, а своим высоким нравственным уровнем, позволившим ей не считаться с собственными сословными и профессиональными интересами.

Это пренебрежение к собственным интересам и высокий нравственный дух сыграли с русской интеллигенцией недобрую шутку. Интеллигенция слишком много и слишком искренне говорила о своей вине перед народом, и народ поверил в вину интеллигенции. Оторвавшиеся от крестьянства слои населения так и стали считать, что перед ними виноваты и с интеллигенции, гнилой и болтливой, «приходится». В результате — революция, а вернее, бунт против людей образованных, совестливых, беззащитных, не имевших опоры.

Террор выбитых из нормальной структуры общества людей (помогла первая мировая война) против интеллигенции начался сразу же после октябрьского переворота. Ужасаясь террором 1936—1939 годов, люди забывают, что тогда было истреблено гораздо меньше людей, чем в предшествующие годы. Воображение масс поразило то, что партийцы стали убивать, и даже с маскарадной судебной pompой, своих же партийных. Тогда же, когда

истребляли интеллигенцию, это считалось как бы и естественным; сами же признавались в своей вине перед народом...

Подвергавшаяся пыткам моральным и физическим интеллигенция, а вместе с ней и духовенство (та его наибольшая часть, которая держалась крепкой верой) вели себя на редкость достойно. Сколько было проявлено героизма, сколько было мучеников в невидимых обществу «каторжных норах». Но кто об этом знает? Документы составлялись только на признания, на подтверждение следовательской концепции того или иного «дела». Все, что не подтверждало заранее разработанный следователем сценарий «преступления», все это не сохранялось или даже просто не записывалось.

Сейчас, когда начинают публиковаться различные «дела» из архивов, интеллигенция снова идет на распятие. На распятие идет уже мертвая интеллигенция, бессильная себя защитить. Мой долг, как «свидетеля века», защитить ее, хотя бы в своих воспоминаниях. Но что знаю я? Мой круг воспоминаний слишком узок и слишком зыбок против волны тенденциозно составленных документов. Но кто-то должен все же противопоставить правду следовательской точке зрения. И это тем более страшно, что толпа склонна верить прежде всего дурному и скандальному, чем благородному и обычному. А обычным в годы ленинско-сталинских репрессий было именно сопротивление.

И я свидетельствую: интеллигенция в основном с честью выдержала все тяжелые испытания XX века.

О русской интеллигенции \fn {Письмо в редакцию журнала «Новый мир», 1993, № 2.}

Нынешняя обстановка заставляет меня обратиться с письмом, в котором — и не в первый уже раз — я отзываюсь на вопрос о том, каково же все-таки положение, каковы роль и значение интеллигенции в нашем обществе?

Это — не статья, это именно письмо, в котором автор говорит пусть и без строгого порядка, но так, как он представляет себе дело сегодня, как обязывает говорить его собственный житейский опыт.

Итак — что такое интеллигенция? Как я ее вижу и понимаю? Понятие это чисто русское, и содержание его преимущественно ассоциативно-эмоциональное.

К тому же по особенностям русского исторического прошлого мы, русские люди, часто предпочитаем эмоциональные концепты логическим определениям.

Я пережил много исторических событий, посмотрелся чересчур много удивительного и поэтому могу говорить о русской интеллигенции, не давая ей точного определения, а лишь размышляя о тех ее лучших представителях, которые, с моей точки зрения, могут быть отнесены к разряду интеллигентов. В иностранных языках и в словарях слово «интеллигенция» переводится, как правило, не само по себе, а вкуче с прилагательным «русская».

Безусловно прав А.И. Солженицын: интеллигент — это не только образованный человек, тем более не тот, которому он дал такое обозначение, как «образованец» (что-то вроде как «самозванец» или «оборванец»), это, может быть, и несколько резко, но Александр Исаевич понимает под этим обозначением слой людей образованных, однако продажных, просто слабых духом.

Интеллигент же — представитель профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), и человек, обладающий умственной порядочностью. Меня лично смущает распространенное выражение «творческая интеллигенция» — точно какая-то часть интеллигенции вообще может быть «нетворческой». Все интеллигенты в той или иной мере «творят», а с другой стороны, человек пишущий, преподающий, творящий произведения искусства, но делающий это по заказу, по заданию в духе требований партии, государства или какого-либо заказчика с «идеологическим уклоном», с моей точки зрения, никак не интеллигент, а наемник.

К интеллигенции, по моему жизненному опыту, принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам.

Основной принцип интеллигентности — интеллектуальная свобода, свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Я убежден, впрочем, что можно быть и несвободным от раз и навсегда принятых принципов. Это касается людей «с лобной психикой», отстаивающих свои старые, когда-то ими высказанные или даже проведенные в жизнь мысли, которые сами для себя сковывают свободу. Достоевский называл такие убеждения «мундирами», а людей с «убеждениями по должности» — людьми в мундирах.

Человек должен иметь право менять свои убеждения по серьезным причинам нравственного порядка. Если он меняет убеждения по соображениям выгоды — это высшая безнравственность. Если интеллигентный человек по размышлению приходит к другим мыслям, чувствуя свою неправоту, особенно в вопросах, связанных с моралью, это его не может уронить.

Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести, это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной.

Вопрос о нравственных основах интеллигентности настолько важен, что я хочу остановиться на нем еще.

Прежде всего я хотел бы сказать, что ученые не всегда бывают интеллигентны (в высшем смысле, конечно). Неинтеллигентны они тогда, когда, слишком замыкаясь в своей специальности, забывают о том, кто и как может воспользоваться плодами их труда. И тогда, подчиняя все интересам своей специальности, они жертвуют интересами людей или культурными ценностями.

Самый несложный случай — это когда люди работают на войну или производят опыты, связанные с опасностью для человека и страданиями животных.

В целом забота о специальности и ее углублении — совсем не плохое правило жизни. Тем более что в России слишком много непрофессионалов берется не за свое дело. Это касается не только науки, но также искусства и политики, в которой также должен быть свой профессионализм.

Я очень ценю профессионалов и профессионализм, но это не всегда совпадает с тем, что я называю интеллигентами и интеллигентностью.

Я бы сказал еще и так: интеллигентность в России — это прежде всего независимость мысли при европейском образовании. (Почему европейском — скажу ниже.) А независимость эта должна быть от всего того, что ее ограничивает, — будь то, повторяю, партийность, деспотически властвующая над поведением человека и его совестью, экономические и карьерные соображения и даже интересы специальности, если они выхолят за пределы допустимого совестью.

Вспоминаю кружок русской интеллигенции, собиравшийся в Петрограде в 20-е годы вокруг замечательного русского философа Александра Александровича Мейера, — кружок «вторничан», потом получивший название «Воскресение» (мейеровцы переменили день своих собраний со вторника на воскресенье). Главным для «вторничан» была интеллектуальная свобода — свобода от требований властей, времени, выгоды материальной, от сторонних взглядов (что скажет княгиня Марья Алексевна).

Интеллектуальная свобода определяла собой мировоззренческое поведение таких людей, как сам А.А. Мейер и окружавшие его: К.А. Половцев, С.А. Аскольдов-Алексеев, Г. Федотов, Н.П. Анциферов, М.В. Юдина, Н.И. Конрад, К.С. Петров-Водкин, Л.А. Орбели, Н.В. Пигулевская и многие другие.

Русская интеллигенция в целом выдержала испытание нашим Смутным временем, и мой долг человека — свидетеля века — восстановить справедливое к ней отношение. Мы

слишком часто употребляем выражение «гнилая интеллигенция», представляем ее себе слабой и нестойкой потому, что привыкли верить следовательскому освещению дел, прессе и марксистской идеологии, считавшей только рабочих «классом-гегемоном». Но в следственных делах оставались лишь те документы, которые играли на руку следовательской версии, выбитой из подследственных иногда пытками, и не только физическими. Самое страшное было положение семейных. Ничем не ограниченный произвол следователей угрожал пытками членам семьи, и мы не вправе строго судить тех, кто, не вникая даже в суть подписываемого, подтверждал версии следователей (так было, например, в знаменитом «Академическом деле» 1929—1930 годов).

Какими высокими и мужественными интеллигентами были интеллигенты из потомственных дворян! Я часто вспоминаю Георгия Михайловича Осоргина, расстрелянного 28 октября 1929 года на Соловках. Он уже находился в камере смертников, когда к нему неожиданно для соловецких властей приехала жена (урожденная Голицына). Неожиданность произошла от полного беспорядка в тогдашних лагерях: власти на материке не знали, что по своему произволу предпринимали начальники на острове. Так или иначе, но под честное слово дворянина Осоргина выпустили из камеры смертников на свидание с женой, обязав не говорить ей, что его ожидает. И он выполнил свое обещание, данное палачам. Через год после короткого свидания Голицына уехала в Париж, не зная, что на следующий же день Георгий Михайлович был зверски расстрелян.

Или одноногий профессор баллистики Покровский, который сопротивлялся в Святых воротах (увы, снесенных сейчас реставраторами) и бил своей деревянной ногой конвоиров только для того, чтобы не быть «послушным стадом».

Или Г.Г. Тайбалин. Рискую жизнью, он приютил в своем медпункте старика мусульманина, «лучшего певца Старой Бухары», совершенно беззащитного, ни слова не знавшего по-русски и уже по одному этому обреченного на гибель.

Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Преклоняюсь перед русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения. Она выдержала испытания красного террора, начавшегося не в 1936 или 1937 году, а сразу же после пришествия к власти большевиков.

Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. О сопротивлении интеллигенции мы можем судить по тому, какие жестокие меры были против нее направлены, как разгонялся Петроградский университет, какая чистка происходила в студенчестве, сколько ученых было устранено от преподавания, как реформировались программы в школах и высших учебных заведениях, как насаждалась политграмота и каким испытаниям подвергались желающие поступить в высшие школы. Детей интеллигенции вообще не принимали в вузы, а для рабочих были созданы рабфаки. И тем не менее в университетских городах возникали кружки самообразования и для тех, кто учился в университете; петербургские профессора А.И. Введенский и С.И. Поварнин читали лекции на дому, вели занятия по логике, а А.Ф. Лосев издавал свои философские работы за собственный счет.

Русская интеллигенция вступила в эпоху Красного Октября закаленная в своем сопротивлении царскому правительству. Не один только А.А. Мейер собирал вокруг себя интеллигенцию, используя свой опыт объединения, полученный еще в ссылках и тюрьмах при царском правительстве.

Два парохода понадобились осенью 1922 года («Пруссия» и «Бургомистр Хаген»), чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности.

Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохраняли свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору — в исторической науке, литературоведении, в биологии, философии, лингвистике и т.д. За спинами главарей различного рода разоблачительных кампаний стояли толпы полужнаек, полуинтеллигентов, которые осуществляли террор, прихватывали себе ученые степени и академические звания на этом выгодном для них деле. Смею утверждать, что они не были интеллигентами в старинном смысле этого слова. Нет ничего опасней полужначества. Полужнайки уверены, что они знают все или по крайней мере самое важное, и действуют нагло и «бескомпромиссно». Сколько людей были выброшены этими полужнаками на улицу! Остальным приходилось подкармливать не только А.А. Ахматову, но и Б.М. Эйхенбаума, Д.Е. Максимова, К.Л. Комаровича, даже и академика Л.А. Орбели, пока ему не дали отдельную лабораторию. Академик И.Ю. Крачковский из собственных средств платил заработную плату своим сотрудникам, когда занятия древними восточными языками были объявлены реакционными.

Ну, а кто были первыми русскими интеллигентами? Если бы Владимир Мономах не писал свое «Поучение» преимущественно для князей, то совесть его и знание пяти языков могли бы стать основанием для причисления его к первым русским интеллигентам. Но поведение его не всегда соответствовало вечным и всеобщим правилам морали. Совесть его была ограничена княжескими заботами.

В сущности, первым интеллигентом на Руси был в конце XV — начале XVI века Максим Грек — человек итальянской и греческой образованности, до своего монашества носивший имя Михаила Триволиса и принадлежавший к ученому кругу Альда Мануция. В России он подвергался гонениям, находился в заключении и был причислен к лику преподобных только после своей смерти. Своею жизнью на Руси он прочертил как бы путь многих и многих интеллигентов.

Князь Андрей Курбский был бы интеллигентом, если бы он, будучи военачальником, не «отъехал» от Ивана Грозного. Как князь он имел право выбирать своего сюзерена, но как воин, командующий войсками, он бежал не по совести.

Не было на Руси подлинных интеллигентов и в XVII веке. Были люди образованные и по европейским меркам. Но высокой русской интеллигенции нового времени в Древней Руси еще не было.

Бессмысленно задаваться вопросом — была ли культура Руси до Петра «отсталой» или не отсталой, высокой или не высокой. Нелепо сравнивать культуры «по росту» — кто выше, а кто ниже. Русь, создавшая замечательное зодчество (к тому же чрезвычайно разнообразное по своим стилевым особенностям), высокую хоровую музыку, красивейшую церковную обрядность, сохранившую ценнейшие реликвии религиозной древности, прославленные фрески и иконы, но не знавшая университетской науки, представляла собой просто особый тип культуры с высокой религиозной и художественной практикой.

Неправильно думать, что интеллигенция появилась непосредственно после перехода России на позиции западноевропейской (европейской она была всегда) культуры.

При Петре не было интеллигенции. Для ее образования нужно было соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением.

Петр опасался появления независимых людей. Он как бы предчувствовал их опасность для государства, он избегал встреч с западноевропейскими мыслителями. Во время своих поездок и пребывания в Западной Европе его интересовали прежде всего «профессионалы»: государственные деятели, военные, строители, моряки и рабочий люд — шкиперы, плотники, корабельщики, то есть все те, кто мог осуществлять его идеи, а не создавать их. Поэтому, может быть, у Петра лучше всего отношения складывались с архитекторами среднего таланта и не сложились они с Леблонем, предложившим свой

план строительства Петербурга. Может быть, Петр был и прав. Изучая его указания, сопровождавшиеся иногда мелкими набросками, нельзя не удивляться самостоятельности его градостроительной концепции. Среди талантливых и энергичных практиков Петр чувствовал себя свободнее, чем среди теоретиков и мыслителей.

Европа торжествовала при Петре в России потому, что в какой-то мере Петру удалось восстановить тот путь, «из Варяг в Греки», который был прерван в России татаро-монгольским игом и построить у его начала Петербург. Именно это иго установило непроходимую стену с Западом, но не установило прочных культурных связей с Востоком, хотя русский государь принял под свой скипетр на равных основаниях Казанское и Астраханское царства, признав их князей и вельмож.

Петр восстановил связи с Европой, но попутно лишил Россию земских соборов, упразднил патриаршество и еще более закрепостил крестьян.

Для России всегда была основной проблема Севера и Юга, а не Запада и Востока, даже в ее Балканских, Кавказских или Туркестанских войнах. Защита христианства была для России и защитой европейских принципов культуры: личностной, персонифицированной, интеллектуально свободной. Поэтому-то русская интеллигенция с таким восторгом воспринимала освобождение христианских народов на Балканах и сама подвергалась гонениям за эти же самые европейские принципы.

Первые настоящие, типично русские интеллигенты появились в конце XVIII — начале XIX века: Сумароков, Новиков, Радищев, Карамзин. К ним нельзя отнести даже Державина — слишком он зависел от властей. Пушкин несомненно интеллигент. Он не получал золотых табакерок и хотя жил в основном от гонораров, но в своем творчестве не зависел от них. Он шел свободной дорогой и «жил один».

Как некое духовное сообщество интеллигенция заявила о себе 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. Восстание декабристов знаменовало собой появление большого числа духовно свободных людей. Декабристы выступили против своих сословных интересов и интересов профессиональных (военных в том числе). Они действовали по велению совести, а их «тайные союзы» не обязывали их следовать какой-то «партийной линии».

В то же время терроризм, зародившийся в России, и «профессиональные революционеры», все эти Ткачевы и Нечаевы (а может быть, и Чернышевские?), были глубоко антиинтеллигентскими личностями. Не интеллигенты были и те, кто становился на колени перед «народом» или «рабочим классом», не принадлежа ни к тому, ни к другому. Напротив, сам рабочий, обладая достаточно высоким профессиональным и непрофессиональным кругозором и природной совестью (а таких было немало до той поры, пока именем «рабочего класса» не стали твориться преступления), мог приближаться к тому, что мы называем общей интеллигентностью.

Но вернемся к нашему времени.

Усиленная духовная активность интеллигенции пришлась на первое десятилетие советской власти. Именно в это десятилетие репрессии были в первую очередь направлены против интеллигенции. В последующие тридцатые годы репрессии были не только против интеллигенции (против нее они были всегда), но и против крестьянства, ибо крестьянство, которое и сейчас принято называть «безграмотным», обладало своей тысячелетней культурой. Духовенство, городское и сельское, отдельные представители которого еще до революции проявляли себя как интеллигенты (отец Павел Флоренский), снова выделило из своей среды ряд замечательных представителей интеллигенции (Сергей Булгаков, Викторин Добронравов, Александр Ельчанинов и другие).

Итак, большинство русской интеллигенции не запятнало себя отступничеством. Я мог бы назвать десятки имен людей, которые честно прожили свою жизнь и не нуждаются в оправдании себя тем, что «мы так верили», «мы так считали», «такое было время», «все так делали», «мы тогда еще не понимали», «мы были под наркозом» и пр. Эти люди

исключают себя из числа интеллигентных, обязанностью которых всегда было и остается: знать, понимать, сопротивляться, сохранять свою духовную самостоятельность и не участвовать во лжи. Не буду приводить фамилии всех тех самозванных интеллигентов, участие которых в различного рода кампаниях и проработках с самого начала не было случайностью. Их было много, но винить из-за них всю русскую интеллигенцию, против которой столько лет были направлены репрессии, никак нельзя. К тому же, не было бы старой интеллигенции, не было бы и диссидентов помоложе. Интеллигенция все это время была главным врагом советской власти, так как была независима.

Годы борьбы государства с интеллигенцией были одновременно годами, когда в официальном языке исчезли понятия чести, совести, человеческого достоинства, верности своим принципам, правдивости, беспристрастности, порядочности, благородства. Репутация человека была подменена характеристиками «треугольников», в которых все эти понятия и представления начисто отсутствовали, а понятие же интеллигентности было сведено к понятию профессии умственного труда.

Неуважение к интеллигенции — это и нынче неуважение к памяти тысяч и тысяч людей, которые мужественно вели себя на допросах и под пытками, остававшихся честными в лагерях и ссылках, во время гонений на те или иные направления в науке.

В будущем, когда станут публиковаться отдельные дела ЧК, ОГПУ или КГБ, опять-таки следует иметь в виду, что в протоколы следствий заносились только те материалы, которые подтверждали заранее составленную следователем версию. Бесследно исчезали из дел те, кто «помог следствию» или давал предварительные материалы для ареста — агентурные данные. Из дел исчезли все проявления мужества подследственных.

Арестованных не освобождали: «Органы зря не берут!» Эта мысль укреплялась с годами все сильнее.

Поэтому и нынче публиковать «дела» следует только с комментариями — на научной основе.

Интересно, как выслушивали интеллигентные люди свои приговоры. Позволю себе привести и еще некоторые воспоминания.

Это было в 1928 году, примерно в начале октября. Нас всех по делу студенческого кружка «Космическая Академия наук» и Братство Серафима Саровского вызвали к начальнику тюрьмы (ДПЗ — Дом предварительного заключения на Шпалерной улице в Ленинграде). Начальник с важным и крайне мрачным видом сидел насупившись, а мы все стояли. Впереди стоял Игорь Евгеньевич Аничков, получивший воспитание за границей и бывший типичным представителем старой русской интеллигенции. Загробным голосом начальник объявил: «Выслушайте приговор». Отлично помню, что слово «приговор» он произнес с правильным ударением на последнем слог. Затем медленно и важно он стал читать этот самый приговор — неизвестно чей, ибо суда не было. Все это время Игорь Евгеньевич стоял со скучающим видом. Едва начальник закончил чтение, Игорь Евгеньевич небрежно спросил: «Это все? Мы можем идти?» И не дожидаясь ответа, двинулся к выходу. Мы все тронулись за ним мимо растерявшихся конвоиров. Это было великолепно.

Черта, определявшая характер русской интеллигенции, — это отвращение к деспотизму, воспитала в ней стойкость и чувство собственного достоинства.

Ну, а что же: интеллигенция — это западное явление или восточное? Ответ на этот вопрос лежит в том, признаем ли мы Россию Западом или Востоком. Один из главных столпов интеллигентности — характер образованности. Для русской интеллигентности образованность всегда была чисто западного типа.

Если Россия — это Восток или даже Евразия, то западноевропейский характер ее образованности позволяет легко оторвать интеллигенцию от народа, оправдать в известной мере отрицательное отношение к ней господствовавшего в России слоя полуинтеллигенции, полуобразованцев и образованцев. И не поэтому ли, не из желания ли

оторвать одно от другого, евразийство за последние годы приобретает у нас мракобесный, черный характер?

На самом же деле Россия — это никакая не Евразия. Ибо Запад от Востока отделяет разность культур, а не условная граница, проведенная по карте. Россия — несомненная Европа по религии и культуре. При этом в культуре ее не найти резких отличий между западным Петербургом и восточным Владивостоком.

Русская культура всегда была по своему типу европейской культурой и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе.

Россия по своей культуре отличается от стран Запада не больше, чем все они различаются между собой: Англия от Франции или Голландия от Швейцарии. В Европе много культур. Главная связующая среда России с Западом — это, конечно, интеллигенция, хотя и не одна она.

Для России проблема «Восток — Запад» играет меньшую роль, чем связи «Юг — Север».

На это, кажется, никто не обращал особого внимания, но это именно так.

Взгляните все на ту же карту Европы, в частности — Восточной Европы. Заметьте: основными путями сообщения в течение долгого времени были реки, в основном текущие по меридианальным направлениям с севера на юг или с юга на север. Они связывают между собой бассейны Балтийского и Черного морей в конечном счете со Средиземноморьем. Путь из «Варяг в Греки» (я пишу их с большой буквы, так как Варяги и Греки — это не народы, а страны) был главным торговым путем, путем и военным и распространения культуры.

Автор «Повести временных лет» XI века именно так и описывает географические пределы Руси, начиная с водораздела, «Оковского леса», и по направлению рек, берущих там свое начало: какие реки текут в какое море. Границ нет — есть направления течения рек.

Русь имела два равноправных центра на этих путях — Новгород и Киев. С севера по этому пути приходили по найму и приглашению варяги. На Севере обосновались Рюриковичи, спустившиеся на Юг к Киеву и осевшие как государственная сила по всему пути от Ладоги до Херсонеса. С Юга из Византии с помощью болгарского посредства пришла духовная культура, европейская религия христианства, связавшая тесными узами Русь с Западной Европой. Если определять культуру Руси как соединяющую главные культуры Европы X—XII веков, то ее следует определять как Скандовизантию, а не как Евразию. Кочевники Востока и южных степей Руси очень мало внесли в создание Руси, даже когда оседали в пределах русских княжеств в качестве наемной военной силы.

Русские смешивались прежде всего с финно-угорскими народами, вместе с которыми, по легенде, они призывали братьев Рюрика, Синеуса и Трувора (См. в «Повести временных лет» под 862 годом: «Реша (сказали. — Д.Л.) руси, чюдь (будущие эстонцы. — Д.Л.), словени и кривичи и весь (вепсы, финно-угорское племя. — Д.Л.): «Земля наша велика и обидна, а наряда (государственной организации. — Д.Л.) в ней нет. Да пойдете княжить и володети нами». И далее: «И по тем городом суть находници (пришельцы) варязи, а перьвии насельници в Новгороде словене, в Полотьски кривичи (славянское племя. — Д.Л.), в Ростове меря (финно-угорское племя. — Д.Л.), в Беле-озере весь, в Муроме мурома (финно-угорское племя. — Д.Л.): и теми всеми обладаше Рюрик».)

Характерно, что все восточные сюжеты, которые есть в древней русской литературе, пришли к нам с Юга через греческое посредство или с Запада. Культурные связи с Востоком были крайне ограничены, и только с XVI века появляются восточные мотивы в нашем орнаменте.

Полоцк, будущий центр Белоруссии, тоже возник на речных торговых путях. Все три столицы — Новгород, Киев и Полоцк — имели своими храмами храмы Софии — «Премудрости Божьей». Ими промыслительно знаменовалось культурное единство трех восточнославянских народов.

Только жесточайшее татаро-монгольское нашествие, преуменьшать разрушительные последствия которого можно лишь в силу желания во что бы то ни стало связать нас с Востоком, смогло уничтожить это единство Руси, скрепленное храмами Софии — символами мудрости мироустройства в его единстве. Все это вовсе не значит, будто Россия неизменно имела союзников на Западе и противников на Востоке, история этого никак не подтверждает, но ведь и речь идет вовсе не о военных союзах, а об истоках русской национальной культуры.

Истоки эти у России и Востока разные, это так, но это вовсе не отрицает, а скорее обуславливает сегодняшнюю необходимость взаимопонимания и взаимопомощи. Именно в этом, а не в другом каком-то смысле и должна пониматься нынче идея евразийства. У каждой страны есть свой Восток и свой Запад, свой Юг и свой Север, и то, что для одной страны Восток, для ее соседей Запад. Мирное же соседство в том и состоит, чтобы этнические границы не становились политическими «границами на замке», чтобы разнообразие никого не ущемляло, но обогащало.

«Когда враг не сдается, его уничтожают!» — сказал Горький. Однажды это высказывание стало предсказанием — это факт, однако неужели же оно действует и по наше время? Ведь и в наше время одна национальная интеллигенция уничтожает другую, в иных случаях — с оружием в руках. И в наше время интеллигенция подвергается осмеянию и уничтожению, и с чьей же стороны? Со стороны другой части интеллигенции, а если так, это значит, что та, «другая», часть необоснованно присвоила себе само определение «интеллигенция».

Дискуссии, разное видение мира и его будущего, конечно же, свойственны интеллигенции, но взаимное уничтожение привнесено в ее среду тем же Горьким, теми же полужайками и «образованцами», не говоря уж о ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Так неужели и нынче всю тяжесть бремени, все исторические задачи, возложенные на интеллигенцию, она может решить только путем бесконечных распрей и взаимного озлобления, выводящим ее за пределы интеллигентности, в то время как вся история культуры, равно как и совсем недавний наш практический опыт, подсказывает нам совершенно иной, противоположный путь?

И неужели мы станем по-прежнему, «по-большевистски», недооценивать интеллигенцию и ее роль в жизни наших народов?

Репрессированная наука \fn {Предисловие к кн.: Репрессированная наука. Л., «Наука», 1991.}.

Представить себе все бедствия «репрессированной науки» чрезвычайно трудно. Дело ведь не только в том, что отдельные ученые или отдельные направления в науке подверглись гонениям, запрещениям, уничтожению... Гонениям и репрессиям сопутствовали бедствия еще более широкие.

В науке насаждалось представление, что с самого начала исследования может быть правилен только один путь, одно истинное направление, одна научная школа и, разумеется, только один главный ученый, «вождь» своей науки. Иными словами, наука развивалась (если это можно назвать развитием) под давлением мысли об изначальной правильности одного направления и неправильности всех остальных. И это «правильное» направление, выбранное по чисто внешним признакам, объявлялось подлинно марксистским. Тогда не было и не могло быть предположения, что научная истина рождается где-то на перекрестке путей, где-то посередине или в совсем особой, другой области. Предопределенность истины считалась неоспоримой — особенно в общественных науках, но не только в них.

Поэтому создавалось представление о поисках истины как о поисках уже чего-то имеющегося, как выбор заранее существующих точек зрения. И этот выбор должен был делаться по политическим соображениям часто самого схоластического характера. Наука, общественные дисциплины в особенности, политизировалась и схематизировалась до

предела. По существу, всем этим отвергалась самая возможность открытий в науке. Частные исследования, хотя прямо и не запрещались, но и не одобрялись. Роль в науке неожиданностей, а также выводов «непредсказанных», вытекающих из экспериментов, рукописных источников, из незаинтересованных соображений и т.д., игнорировалась. Предполагалось, что в науке следует «доказывать» (точнее говоря, подбирать доказательства) для уже заранее определенной по политическим соображениям точки зрения. Считалось непреложным, что в науке действуют две противостоящие воли: одна классово-приемлемая и другая классово-враждебная этой первой — соответствующей пролетарской идеологии. Отсюда стремление увидеть в несогласиях вылазки врагов, стремление не доказывать свою точку зрения, а «разоблачать» любую другую. Отсюда появление в науке огромного числа «врагов» существующего строя, государственной власти, вредителей, просто преступников, подлежащих аресту и наказанию — вплоть до расстрела.

Движение науки вперед мыслилось как расправа с теми, кто был не согласен с единственным, изначально правильным направлением. Вместо научной полемики — обличения, разоблачения, запрещение заниматься наукой, а во множестве случаев — аресты, ссылки, тюремные сроки, уничтожение. Уничтожению подвергались не только институты, лаборатории, ученые, научные школы, но и книги, рукописи, данные опытов. «Вражеские вылазки», «классовые враги в науке», «вредители», «буржуазная контрабанда в науке» и пр. — такими выражениями пестрели «научные труды» 30—50-х гг. Людей преследовали за хранение книг с именами арестованных, за их упоминание в трудах, а с другой стороны, за отсутствие ссылок на «труды корифеев». Последние, как предполагалось и утверждалось, никогда не ошибались, не говорили и не писали чего-либо случайно, без великого смысла. Все это разрослось до масштабов тотальной социальной политики.

Можно ли исчислить жертвы репрессий только числом расстрелянных и замученных человеческих душ? Сколько было «побочных» жертв! Упала рождаемость, стар и млад умирали от нужды и неустроенности, от душевного гнета и невозможности заниматься делом, к которому люди чувствовали призвание. Сколько в зародыше погибло плодотворных идей, сколько талантливых людей не смогли пробиться к научной работе, получить образование по причине «неудовлетворительности» своих анкетных данных, сколько талантливых людей отказались заниматься наукой, ушли в более «безопасные» области деятельности!

И все-таки... Вспоминая все горькое, что принес нам наш «способ жизни», мы непременно должны обратить внимание и на другую сторону. Приходится удивляться стойкости многих крупных и менее известных ученых. Впрочем, можно ли считать «малыми» ученых, которые хотя бы и в своей узкой области, даже подсобной не отступали от своих убеждений, оказываясь без средств к жизни и в обстановке полного отчуждения? С риском для своей свободы они сохраняли книги и рукописи, отказывались давать показания против своей совести, не отрекались от своих учителей и руководителей, не подписывали человеконенавистнических обращений и заявлений.

Зло по большей части шумно и крикливо. Поэтому кажется, что злых людей всегда много. Они всюду выступают, громко заявляют о своем существовании, чтобы поверили в их искренность и «принципиальность». В общем шуме им даже легче скрыть свои голоса, и они заботятся о том, чтобы и другие выступали, печатали обращения, осуждали вместе с ними. Настоящие же ученые хранят науку в тиши. Преемственность научных традиций совершается через личные примеры, с глазу на глаз...

Я знал настоящих петербургских интеллигентов: это и мой учитель словесности Леонид Владимирович Георг, основатель русского научного краеведения Иван Михайлович Гревс, его ученик (и мой «соделец») Николай Павлович Анциферов, философ Александр Александрович Мейер, историки Анатолий Васильевич Предтеченский, Борис

Александрович Романов, Сигизмунд Натанович Валк, биолог Николай Иванович Вавилов и его брат физик Сергей Иванович Вавилов, востоковед Николай Иосифович Конрад, литературоведы Борис Михайлович Эйхенбаум, Михаил Михайлович Бахтин, Юрий Михайлович Лотман и многие, многие другие.

Вокруг разговоров об интеллигентности.

Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью.

Образованность живет старым содержанием, интеллигентность — созданием нового и осознанием старого как нового.

Что такое интеллигентность, культурность человека? Знания, эрудиция, осведомленность? Нет, нет и нет! Избавьте человека от всех его сведений, лишите его памяти, но если он при этом сохранит умение понимать людей иных культур, понимать широкий и разнообразный круг произведений искусства, широкий круг чужих идей, если он сохранит навыки «умственной социальности», сохранит свою восприимчивость к интеллектуальной жизни, — вот это и будет интеллигентный и культурный человек.

Способность к приобретению знаний — это тоже интеллигентность.

А кроме того, интеллигент — это человек «особой складки»: терпимый, легкий в интеллектуальной сфере общения, не подверженный предрассудкам — в том числе шовинистического характера

Многие думают, что раз приобретенная интеллигентность затем остается на всю жизнь.

Заблуждение! Огонек интеллигентности надо поддерживать. Читать, и читать с выбором: чтение — главный, хотя и не единственный воспитатель интеллигентности и главное ее «топливо». «Не угашайте духа!»

Изучить десятый иностранный язык гораздо легче, чем третий, а третий легче, чем первый.

Способность приобретать знания и самый интерес к знаниям растут в каждом отдельном человеке в геометрической прогрессии. К сожалению, в обществе в целом общая образованность падает, и место интеллигентности заступает полунинтеллигентность.

Нравственный климат в обществе определяется степенью его культуры.

Недостаток культуры в нашем обществе волнует меня больше всего. Никакие законы истории или издаваемые государством, никакие надежды на будущее не оправдаются, если не будет поднят общий культурный уровень нашей жизни, «культурный тонус» нашего общества

Сейчас это особенно важно осознать, так как уровень культуры не просто низок — он падает. Десятилетия истребления интеллигенции, десятилетия падения школьного образования и «остаточный принцип» в отношении финансирования культуры, бесконечные катастрофы с наиболее важными хранительницами культуры — библиотеками (научными и «народными»), неправильная издательская политика, при которой публиковалось не то, что требовалось читателю, а то, что ему навязывалось по разным соображениям, сыграли свою отрицательную роль. И все это на фоне общего застоя нашей культуры, который начался гораздо раньше самого так называемого «застойного периода». Боязнь не только самостоятельной мысли, но вообще всякой самостоятельности привели к тому, что даже самое поведение людей сильно изменилось к худшему — к вызывающе неряшливому.

Не удивляйтесь сказанному: постараюсь объяснить, какое отношение не только к науке, экономике, политическому мышлению, но и общему поведению людей, даже к их облику имеет культура.

Не буду вдаваться в чрезвычайно сложные вопросы — что такое культура и интеллигентность. Остановлюсь на чем-то, представляющемся мне элементарно ясным. Культура основывается на знаниях, хотя сама не является просто большим объемом знания. Можно много знать и не быть культурным человеком. Культура — это прежде

всего результат знаний, знаний упорядоченных и вместе с тем осознающих свою недостаточность.

В самом деле, чем больше человек знает, тем яснее он понимает недостаток своих знаний. Сама наука развивается не столько путем ответов на вопросы, сколько путем постановки все новых и новых тем, в основном возникающих в результате полученных наукой ответов, которые не столько объясняют для нас мир, сколько открывают в нем неизвестное. Часто повторяемый афоризм «я знаю, что я ничего не знаю» не является кокетливым самоуничижением. Это закон упорядоченного знания.

В науке XVIII века жила уверенность, что мир скоро будет объяснен до конца и все в нем станет понятным. Человечество стояло как будто бы на грани полного познания мира — во всех областях. Сейчас теоретики-физики знают, что мы очень далеки от подлинного объяснения мира. Это знание того, что мы очень мало осведомлены о вселенной, о строении материи, об экономике, об искусстве (в теоретическом отношении) и т.д., — свойственно сейчас всем наукам (кроме самых отсталых), всем ученым...

Отсюда особая осторожность подлинно знающих людей, осознающих зыбкость человеческих знаний, и — рядом с ними — чрезвычайная самоуверенность полужнаек. Самоуверенность и агрессивность, крайняя ненависть к осторожным культурным людям, которые представляются им просто нерешительными или даже умышленно сопротивляющимися.

Полужнайке кажется, что он знает все и прежде всего рецепты благополучия человечества, быстрый выход из временных затруднений. Полужнайке кажется, что ученый или просто культурный человек — плохой проводник его самоуверенной политики, но еще и живой укор его невежеству — укор крайне оскорбительный для полужнаек, уверенных в своем «всезнайстве».

Агрессивный полужнайка ищет панацей от всех общественных бед то в сплошной насильственной коллективизации, то в более элементарных вещах вроде «ветвистой пшеницы», свиноводства, кролиководства, массовых посевов кукурузы, плотин различного рода гигантских предприятий, в уверенности, что в природе все можно менять (это еще Салтыков-Щедрин заметил). Отсюда — естественный рост командно-административных методов управления. Отсюда же — грубость с подчиненными, нежелание менять раз принятое решение («лобная психика») малокультурных людей («полужнаек»). Отсюда же — существовавшее в свое время пристрастие полужнаек к «командирской» военной или полувоенной одежде, к военной и милицейской терминологии в языке. Некультурность видна во всем облике «полужнайки», в его поведении. Принципиальная агрессивность во всем: в мировоззрении, в отношении к гласности, в отношении к природе, к истории, к различным течениям в искусстве (особенно к тем, которые не сразу понятны и требуют от человека несвойственной полужнайкам восприимчивости)! Агрессивность идет рука об руку с уверенностью, что все инакомыслящие — враги, а если не враги, то принадлежат к народностям, искони не обладающим какими-то свойствами или обладающим только дурными. Отсюда же — уверенность, что все беды — от злых свойств каких-то народностей или от многовековых таинственных заговоров, тайных обществ...

Одним словом, полужнайка ведет себя так, как будто бы он находился в полужнакомом ему лесу в сумерках: стволы деревьев он принимает за разбойников, жаждущих на него напасть, он не видит дороги и с радостью бросается на все, что покажется ему дорогой или тропинкой. А самое главное — цель для него оправдывает средства, ибо он верит только в им самим сконструированное будущее и для него не существует ни прошлого, ни уроков истории. Он движется на ощупь и вот-вот станет на четвереньки, чтобы душить и уничтожать любое препятствие: «ликвидировать», «пускать в расход». Он верит в «высшую меру», точнее в убийство, как в наиболее действенный способ борьбы с преступностью.

Итак, полужайство, полуинтеллигентность воспитывает определенные, очень опасные черты характера, поведения, отношения к окружающему миру — людям и природе, к истории, памятникам культуры и искусству. В наиболее кризисных ситуациях полуинтеллигентность создает таких людей, как Гитлер, Муссолини, Сталин и «иже с ними». Создает сообщество таких же полужайств с психологией стадности, «вождизмом» (наиболее агрессивный из полужайств легко становится вождем или, точнее, вожаком стаи). Полужайство — опаснейшая социальная болезнь.

Но если полужайство — болезнь, болезнь, вызванная частичной незаполненностью мозговой деятельности, приводящей к самоотравлению, то, может быть, эту болезнь можно все же лечить? Это чрезвычайно трудно. Во-первых, никто из полуинтеллигентов или полужайств не осознает себя таковыми. Они окружают себя людьми такого же невысокого интеллектуального уровня, среди которых чувствуют себя вполне сносно. Во-вторых, они обычно ведут борьбу за практическое использование знаний. Они покровительствуют техническим наукам и техническим профессиям, их «немедленной полезности», ибо в технике есть что-то понятное по результатам.

Но самое главное, тип полуинтеллигента со всеми «выходами» этого состояния в мироощущение и общественное поведение складывается, в основном, еще в юности. Огромное значение имеет семья и средняя школа, дополнительное — высшее образование. Последнее дает только окончательную шлифовку. Техническое образование дает совсем мало. Главное, формирующее человека, его нравственный мир и, в какой-то мере, отношение к окружающему, дается гуманитарными науками, гуманитарной культурой в целом, искусством.

Но дело не так безнадежно. Спасает высокий профессионализм в своей области, который может быть достигнут и в зрелом возрасте, и даже в старости. Осознанный профессионализм в какой-то одной области (технической, медицинской, педагогической и т.п.) заставляет человека не вмешиваться в то, чего он не знает в достаточной мере. Профессионализм учит, приучает. На примере своей хорошо освоенной профессии специалист понимает важность знаний в целом. Мне приходилось встречать вполне интеллигентных столяров, наборщиков, крестьян. В них была приобретенная их специальностью, хорошим знанием и владением своим ремеслом «мудрость». Мудрые старики — это в основном хорошие работники в прошлом. Мне иногда представляется, что можно составить список профессий, которые очень часто воспитывают с годами мудрое отношение к людям, природе и прошлому.

Итак, мы поговорили о бедах полуинтеллигентности, о бедах не их самих, полуинтеллигентов, но о бедах, сыплющихся от полуинтеллигентных людей на окружающих и окружающее. Поговорим об интеллигентности. Какими чертами отличается она, как сказывается на поведении интеллигентных людей и на человеческом обществе.

Интеллигентного человека характеризует прежде всего уважительное отношение к окружающему и окружающим, сознание того, что он не обладает полнотой знаний, а находится только на пути к знаниям. Поэтому он постоянно пополняет свои знания, особенно в области гуманитарной культуры. Отсюда — осторожное отношение к другим людям и их убеждениям, отрицание насилия как пути к счастью, неверие в принцип «цель оправдывает средства». Отсюда — отсутствие самоуверенности в поведении и в манере себя держать. Отсюда уважение к опыту истории, к культуре вообще. И вместе с тем интеллигентный человек лишен комплекса неуверенности в себе. Это объясняется отсутствием боязни чужого мнения, чужих предложений и готовностью согласиться с мнением специалистов, людей так или иначе заинтересованных.

По существу, внешне неуверенный интеллигент гораздо увереннее в себе любого агрессивного полуинтеллигента. Когда полуинтеллигент категоричен, не способен изменить своего прежнего мнения, болезненно относится к своему престижу, груб с

подчиненными, то это все признаки слабости, впрочем редко осознающиеся самими полуинтеллигентами.

Почему я все время говорю о роли гуманитарных наук и искусства в воспитании общей интеллигентности юношества? Здесь дело простое. Литература, живопись — вообще все искусства учат жизненному опыту. Они не только позволяют человеку прожить несколько жизней, пережив различные жизненные ситуации, возвышают чувства, которые могли бы остаться обыденными, ничем не примечательными: например, кончину друга, любовь и пр., но и заметить в обычном необычное, красоту простого явления, в иных случаях представляющегося скучным и серым. Они знакомят с «чужим» сознанием — другого человека, другого народа, другой страны, с красотой природы. Искусства воспитывают эстетически и этически. А кроме того, искусства развивают интуицию, которая очень важна во всех науках. Недаром великие ученые увлекались и увлекаются музыкой, сложными формами живописи, поэзией.

«Красота спасет мир!» На многие вопросы помогает ответить искусство. Причина проста: зло зовет к хаосу, и поэтому во все века и у всех народов оно изображается как безобразное, доброта зовет к гармонии и единению, и поэтому она — прекрасна. Истина, добро и красота едины, человечество всегда объединяло три этих ипостаси одной сущности. Но литература и живопись еще и непосредственно проповедают нравственность.

Искусства должны приучать видеть в мире добро и красоту — борющееся добро и борющуюся красоту.

Я за разные типы средних школ. Только тогда учащиеся будут гордиться своей школой, своими учителями. Надо возродить в учащихся гордость своими знаниями, своим умением в той или иной области. Нельзя отделять труд от учения. Учение, приготовление уроков, пребывание в классе — это и есть труд, труд упорядоченный, приучающий к аккуратности, к чувству долга за приготовление к занятиям.

Но я слишком много, кажется, говорю о средней школе... Это не случайно, ибо средняя школа, как и семья, в первую очередь воспитывает интеллигентность, А нельзя ли это восхождение к интеллигентности совершить как-либо побыстрее? Не будем обманываться — нельзя. Нельзя, но крайне необходимо. Интеллигентность должна быть свойством всего народа, всей страны. Интеллигентность в какой-то мере «заразительна», если она авторитетна. В нашей стране слишком долго (с 60-х годов XIX в.) интеллигентность считалась чем-то чуть ли не позорным. Антиинтеллигентские настроения проникли даже в литературу (вспомните Вассисуалия Лоханкина у Ильфа и Петрова — образ интеллигента, подчеркнуто отрицательный).

Вспомните, в советской литературе так ли уж часто встречается персонаж — интеллигентный рабочий. А между тем не сразу, но в конечном счете интеллигентными должны стать и рабочие, и крестьяне, и все служащие от самых мелких до самых крупных, и все руководители предприятий, областей, министерств (что не всегда сейчас бывает). Для этого нужно, чтобы каждый осознал свою полную причастность к культуре, ощутил в себе достоинство человека, не лгал бы в «служебных целях» — для утверждения своего проекта, сметы, плана и т.д. Правдивость перед самим собой — это общественная позиция, на основе которой только и может укрепиться правдивость общественная, подлинная гласность, которую следует рассматривать не только как право получать информацию, но и как обязанность руководителей своевременно информировать о всем, что может представлять интерес для других.

Агрессивность «бездуховности» и социальность культуры.

Сейчас много говорят о «бездуховности» нашего общества. Поправлю: «бездуховность» охватила не только наше общество, — она характерна для нынешнего времени в целом и для всего человечества. В той или иной мере, конечно. Я не берусь давать точные определения того, что такое «бездуховность». Это, во всяком случае, падение роли

духовной культуры, отсутствие интереса к высшим ступеням культуры, отсутствие простого знания того, что такое культура, элементарной осведомленности.

Техника заполонила собой все и не оставила у человека времени и возможности посвящать себя истинной культуре. Но природа не терпит пустоты. Техника и весь комфорт, который с нею связан, может вытеснить духовную жизнь в человеческой деятельности, но не заменить ее. Заменяла духовную жизнь внешняя цивилизация и многое с нею связанное. Это многое обладает одним свойством: страшной агрессивностью. Агрессивность охватывает опустошенную потребность к деятельности человека. В человеке заложена потребность не только к умственной работе, но к деятельности вообще. Агрессивные формы культуры (если их можно только назвать культурой!) распространяются в наше время с быстротой эпидемии. Когда здоровенный безголосый парень орет через микрофон сто раз одну и ту же фразу, короткую (длинной не сочинить), не имеющую особого смысла, и при этом весь покрывается потом от напряжения и смотрит обезумевшими глазами, — удивляюсь не ему, а тем, кто его с не меньшим азартом слушает. Это агрессивность в чистом виде. И не случайно после таких концертов публика, пришедшая в раж, стремится удовлетворить свой позыв к агрессивности: начинает бить и ломать мебель в зале, а выходя на улицу, опрокидывать плевательницы, тумбы, ларьки, тележки.

Любовь мужчины и женщины всегда служила основным стимулом и содержанием искусства, поэзии — в первую очередь. Но, когда любовь заменяется голым «сексом», сексом без одежд, то ни о каком Эросе в высоком смысле не приходится говорить. Чистая агрессивность и при этом в самом святом. Разве те, кто приходят на эротические сеансы, воспитываются ухаживать за любимой девушкой? Разве они, выходя с них, стремятся подарить ей цветы, произвести на нее впечатление своей деликатностью, внимательностью, уважительным отношением, культурой поведения, блеснуть знаниями, способностями? Преклониться перед любимой, перед «вечной женственностью»? «Вечная женственность» — смешная старомодность. Прабабушкин нафталин. На самом деле все просто до предела — как у насекомых. Чистая агрессивность в любви.

От духовной пустоты и порожденная ею агрессивность в идеологии. Это надо знать политикам, которые хотят воспитать в нас навыки парламентаризма. Упрощенные концепции жизни (куда там до мировоззрения!) заполняют поведение человека агрессивностью, доминируют у молодежи. Отсюда опасность распространения крайних политических теорий: от «Памяти», монархизма правого толка до анархизма. «„Черное знамя“ — это так красиво!» «Когда окружающие тебя боятся — это так приятно!» Во всем этом есть эрзац храбрости, эрзац убежденности. Отсюда же стремление поразить окружающих невероятной одеждой, чудовищной прической, выразить свое презрение к окружающим неопрятностью своего платья. «А нам-то что? Пусть смотрят и терпят!» Агрессивность — это и брань, и аргументы в разных его формах. Для агрессивности характерно стремление сколачиваться в группы, собираться в банды.

Пустота агрессивна. Она угрожает лопнуть с треском, иногда даже с опасностью для жизни окружающих, для зрения их во всяком случае... Иногда бездуховному человеку хочется даже пострадать, ввязаться в драку. Это придает ему обличье человека, «страдающего за убеждения». Пустота создает шум, в котором скрывается бездуховность. Поэтому бессмысленно полагаться в борьбе с растущей агрессивностью на запрещения, разгоны милицией беснующейся толпы и пр. Агрессивным людям нужны свидетели, зрители, скандалы. Они испытывают от этого только удовлетворение. Лучше, если это возможно, как можно меньше замечать эту громкую пустоту. Агрессивность, как и всякая истерика, должна тушиться спокойствием и безразличием. Это хорошо усвоила английская полиция, «охраняющая» манифестации протестующих от возмущенной ими толпы.

«Мне отмщение и Аз воздам» — говорит Бог в Библии. Люди, не мстите — зло (если оно только действительно зло, а не отчаяние правых) само покарает себя.

Но, конечно, одного спокойствия недостаточно в борьбе с растущей агрессивностью. Надо понять ее истоки, если они кроются только в пустоте. Основанная на бездуховности агрессивность, не имеющая определенной, серьезной цели, всегда найдет себе эту цель и противостоящую силу, в которой бездуховная агрессивность так нуждается (заметьте, что я постоянно говорю об агрессивности не самой по себе, а вызванной бездуховностью).

Лучшая форма борьбы с агрессивностью бездуховности — спокойно противопоставить ей духовность, культуру. И здесь мы подходим к центральной моей мысли. Как я уже сказал, агрессивность происходит от потребности в деятельности. Эта деятельность — в чистом виде, без содержания. Жажда деятельности — естественное свойство человека. Ее нужно вооружить полноценным содержанием. Именно культура дает достойное, высокое содержание этой жажде активности, Благодаря культурным интересам стремление к активности приобретет полезные формы — полезные и для общества в целом и для отдельной личности. Необходимо противопоставить агрессивности неагрессивную по своей природе культуру. Настоящая культура не нуждается для своего развития в насилии. Она сама в себе несет притягательность. Она никого не отталкивает, но всех приглашает. Поэтому-то культура вечна и дает выход жаждущему деятельности человеку. Вечное в духовной области — это красота и нравственность. Не утрачена красота многих русских былин (особенно собранных в знаменитом сборнике XVIII в. Кирши Данилова), плачей Арины Федосовой, народных лирических песен. К классике относится и «Слово о полку Игореве», и поэзия Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Некрасова, Фета, Блока и др., проза того же Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Чехова, Бунина и пр. Не утрачена красота многих античных произведений — в зодчестве, скульптуре, философии, литературе. К классике относятся сотни произведений западной литературы, живописи, скульптуры. Особое значение имеют классические произведения музыки, ибо музыка обладает наибольшей объединяющей людей силой.

Классика — это то, что остается постоянным в мировой культурной традиции, продолжает участвовать в жизни культуры. А самое главное — она воспитывает каждого человека, который к ней приобщается, причащается ею и от этого становится чище, содержательнее. В каком смысле «содержательнее»? Содержательнее культурным опытом. Классические произведения литературы позволяют прожить не одну жизнь. Классическая поэзия обогащает человека лирическим опытом поэзии. Поэзия обладает врачующими свойствами. Собственная жизнь человека читающего, слушающего, созерцающего, воспроизводящего вслух стихи, бесконечно обогащается.

Культурный человек — это не тот, кто много читал классических произведений, много слушал классическую музыку и т.д., а тот, который обогатился всем этим, которому открылась глубина мысли прошедших веков, душевная жизнь других, который многое понял и, следовательно, стал терпимее к «чужому», стал это чужое понимать. Он приобрел уважение к «чужому» (к другим народам, к их культуре, верованиям).

Культурный человек сознает, что если он что-то не понимает из того, что другие признают, то это не потому, что все кругом из понимающих обманщики, надуватели, притворщики, чтобы прослыть культурными и утонченными. Хотя, вообще говоря, число людей, притворяющихся ценителями авангарда (допустим), и даже художников, изображающих своим творчеством авангард, «изобретающих» собственные «направления» в авангарде, хоть отбавляй.

Итак, люди, ставшие терпимее к чужому на основании знаний бессмертного в искусстве и в философии, умеющие открывать на основании своих знаний и культурного опыта новые ценности в прошлом и настоящем, — это и есть люди культуры, интеллигенты.

Интеллигенты — это не просто люди, занятые умственным трудом, имеющие знания или даже просто высшее образование, а воспитанные на основе своих знаний классической

культурой, исполненные духа терпимости к чужим ценностям, уважения к другим. Это люди мягкие и ответственные за свои поступки. Интеллигента можно узнать по отсутствию в нем агрессивности, по мягкости поведения, отсутствию подозрительности и комплекса собственной неполноценности. Агрессивен только полуинтеллигент, теряющий себя в «камланиях» и шаманизме «массовой культуры».

Из всех моих соображений об агрессивности, порождаемой бездуховностью, и, напротив, социальности культуры — следует один непреложный вывод. Если мы хотим создать нормальное общество, если мы хотим нормального экономического, научного, технического развития, нам следует во что бы то ни стало принимать широкие и глубокие меры по поднятию культуры в нашей стране. Хотя, повторяю, то, что уже было мною сказано: падение гуманитарной культуры, насколько я могу судить, идет во многих странах, не только в нашей.

Люди, стоящие на низших уровнях социального и культурного развития, имеют такой же мозг, что и люди, окончившие Оксфорд или Кембридж. Он не «загружен» полностью. Задача состоит в том, чтобы дать полную возможность культурного развития всем людям. Не оставлять у людей «незанятого» мозга. Ибо пороки, преступления — таятся именно в этой части мозга. И потому еще, что смысл человеческого существования в культурном творчестве всех.